

Как отмечал С. И. Гессен, «в проблеме национального образования причудливым образом сплетаются самые разнообразные течения педагогической и политической мысли. С одной стороны, национальное образование выдается как бы за монополию консервативных кругов... С другой стороны, национальное образование выдвигается радикальными учительскими кругами, в требовании «национальной школы»(1).

Хрестоматийным примером философского осмысления проблемы являются «Речи к немецкой нации», произнесенные Фихте в Берлинском университете в 1807г., когда Пруссия, и вместе с нею вся Германия, переживала время французской оккупации. Фихте в своих «Речах» ставил задачу вывести немецкий народ из состояния крайнего унижения и безразличия, в котором он находился, и вселить в него веру в самого себя. Фихте четко поставил проблему: образование должно быть не просто образованием народа, но своеобразным немецким национальным образованием. Оно должно быть не наносным перенесением на немецкую почву иностранных влияний, а соответствовать духу немецкого народа, вытекать из самого его существа (2).

Известен опыт организации образования во Франции XIX в на основе национальной идеи, призванной укоренить в душе французского ребенка с раннего возраста сознание думать и чувствовать, что только в нации человек осуществляет свою природу, что только в ней он делается истинным человеком»(3).

Современная постановка образования в некоторых развитых странах (например, в Японии) также ориентируется не только на удовлетворение текущих потребностей, но и на сохранение и развитие традиционных для этих стран ценностей. Внимательное и трогательное отношение к своему прошлому, стремление органично вписать его в современные будни, с их новым ритмом, с новыми заботами и проблемами, тщательная продуманность организации образовательно-воспитательного процесса свидетельствуют о большой ответственности властей перед своим народом и страной, перед будущими поколениями. В этих странах понимают, что превращенная в прах и пыль денационализированная масса населения неспособна обеспечить свое естественное развитие, а тем самым внести сколько-нибудь существенный вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры. Это, похоже, невдомек нашим «реформаторам» или же они сознательно ставят особые задачи, продолжая тоже своего рода традиции – традиции печально известных «пролеткультовцев», но уже в иной, так сказать, общечеловеческой «упаковке».

Если уж обращаться к опыту Запада и других «цивилизованных» стран, то необходимо опираться на его лучшие образцы. Причем и в этом случае следует не просто его копировать, перенося без всякого разбора и осмысления чужеземные установки и ценности, но стремиться уяснить сам способ решения соответствующих проблем. Внесение «чужого» в свою жизнь без активной, творческой его переработки не может принести ничего, кроме вреда, оно неизбежно стимулирует необратимые разрушительные последствия.

Сегодня, по словам А. И. Солженицына, «мы находимся в таком униженном состоянии, на таком уровне национального унижения, которое трудно сравнить с каким-нибудь периодом... Мы в национальном обмороке» (6). Вряд ли в этих словах содержится слишком большое преувеличение. Россия стоит перед выбором нового пути. Полное драматизма ее внутреннее положение усугубляется возникшими в последние десятилетия и с каждым годом все более обостряющимися так называемыми глобальными проблемами. Имеется в виду, в частности, истощение традиционных (легкодоступных) природных ресурсов, загрязнение природного окружения, нарушение динамического равновесия в биосфере. Существует реальная опасность использования отдельными странами трудностей России в ущерб ее национальным интересам. К сожалению, наличие указанной опасности не осознается нашей общественностью в полной мере.

До сих пор, благодаря взрыву энтузиазма и патриотизма, в том числе национального, России удавалось выходить из весьма тяжелых ситуаций в самые сложные периоды своей истории. Примерами могут служить и Смутное время, и I и II Отечественные войны. Сегодня как никогда следовало бы стимулировать подъем этих высоких чувств и настроений. На деле же мы имеем едва ли управляемый процесс формирования индивидов с заранее заданными свойствами, с явно выраженными чертами космополитизма и признаками колониального или полуколониального сознания.

Поразительно, но именно в этих условиях – полных драматизма и даже трагизма – целенаправленно и настойчиво вытравливается из сознания народа чувство национального достоинства. Особое удивление и недоумение вызывает то, что в этом деструктивном процессе участвуют сами работники образования, организаторы народного «просвещения». Без тени смущения этими «деятелями» от образования ставится под сомнение целесообразность воспитания русского национального самосознания, а в качестве чуть ли не первоочередной задачи выдвигается формирование «новой ментальности», «нового типа личности» и «общеευропейского самосознания». Утверждается, что русский язык якобы является до сих пор «орудием милитаристской общности», а у самой России – сплошь милитаристское прошлое (7).

Теоретическим оправданием этих антипатриотических рассуждений и действий выступает, во-первых, внешний аргумент: вхождение в мировую цивилизацию, во-вторых, внутренний: национальный патриотизм якобы неприемлем в многонациональном государстве. Таким образом, получается, что денационализация есть универсальный способ решения всех (и внешних, и внутренних) проблем.

Национальное безразличие, нигилизм, какое-то упоенно критическое отношение к себе, к своей стране – застарелая болезнь «образованного» российского общества. Кто не уважает своей родины, тот не уважает себя, тот не имеет права на уважение к себе со стороны других лиц (8).

Негативное отношение к использованию идеи патриотизма, национальной (и любой другой общей) идеи в образовательно-воспитательном процессе может диктоваться, на что обращал свое внимание еще В.О.Ключевский, соображениями т. н. «личностной педагогики». Логика рассуждений здесь такова: центральным объектом (и субъектом) образования и воспитания является человек, личность. Каждая личность

самобытна, индивидуальна. В качестве таковой выступает и учащийся, и педагог. Любая же общая идея якобы неизбежно нивелирует личность, делает ее несвободной, способствует обезличиванию, а не воспитанию: «... из такой школы могут выходить номера, а не люди, статистические количества, а не нравственные величины» (9). Однако подобная аргументация, с нашей точки зрения, несостоятельна. Без руководства в своей деятельности некоей общей идеей, неким идеалом принципиально невозможно обеспечение педагогического взаимодействия учителей и учеников, организация сложного и многостороннего образовательного процесса.

По справедливому замечанию православного ученого-педагога В.В. Зеньковского, «общие цели, к которым стремится направить детскую душу педагог, не могут и не должны быть им придуманы, не могут быть делом его вдохновения или произвола... Субъективизм ребенка и субъективизм педагога одинаково шатки и недостаточны, — необходимо опираться на объективную сферу, на те ценности, которые возвышаются над личностью и придают ей значительность... Личность и метафизически, и эстетически не замкнута в себе, — она входит в систему мира, подчинена его законам, сопряжена с высшими началами, стоящими над миром. Нельзя поэтому объявлять идею личности верховным и последним принципом педагогики, хотя развитие личности есть существеннейшая задача воспитания, но смысл, цели и условия этого развития личности могут быть понятны лишь в системе целостного мировоззрения... Педагогика должна быть укоренена в целостном мировоззрении, должна освещать основные свои проблемы теми принципами, которые ей дают антропология, философия и религия» (10).

Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. Идея, являющаяся своего рода «нормой всех норм» и выступающая связующим звеном между системой базовых ценностей и идеалом, оказывается доминантой духа человеческой общности (11). Национальная идея, несущая в себе объединяющее, скрепляющее начало, не отвергает, а дополняет, входит на правах существенного компонента в содержание личностных ценностей. Можно даже сказать, что необходимость национальной идеи обнаруживается именно в силу личностного характера бытия всех участников образовательно-воспитательного процесса.

По аналогии со сказанным (и вопреки распространенному мнению) национальная идея особое значение приобретает в многонациональном государстве. Об исключительной важности национальной идеи для духовного возрождения России говорится давно (П. Струве, И. Ильин и др.). Сегодня уже на официальном уровне ставится задача (хотя еще вчера это отвергалось) разработки общенациональной идеи, идеи для России. Признавая уместной поставленную задачу, следует решительно отвергнуть как несостоятельные и бесперспективные попытки сконструировать эту идею какой-то узкой, доверенной группой лиц, на голом месте, в отрыве от нашей реальной истории и имеющейся традиции, от учета ранее сделанного в данном направлении.

При формулировании национальной идеи возникает целый комплекс вопросов. Среди них и такие, как возможна ли национальная идея вообще, а в многонациональном государстве в частности? Какова диалектика соотношения общенационального и национально особенного? Как обеспечить оптимальное взаимодействие, диалог наро-

дов и культур в интересах, во-первых, каждой из сторон этого взаимодействия, во-вторых, государства, общества и всего человечества? Это те вопросы, без которых невозможно национально-ориентированное образование. Но их решение выходит за пределы компетенции «чистой» педагогики. Оно требует серьезного философско-методологического обоснования, исходя из установок «целостного мировоззрения» с опорой на данные наук о человеке и мире, на достижения культуры и религии. Необходимость расширительного методологического контекста при решении современных проблем образования, настоятельная потребность «договориться о соотношении общечеловеческих и собственно российских ценностей, о некоторой исходной системе ценностей как основы целей образования» осознается педагогической общественностью во все большей и большей мере (12).

Принципиальное значение в современной России приобретает и такой вопрос: имеет ли право на существование «русская идея» как относительно законченная и целостная форма выражения русского национального самосознания, духовная основа самоопределения русского народа (в его взаимодействии с другими народами России и всего человечества)? Известна негативная реакция на сей счет. Но известно и то, что «русская идея» в последнее время привлекает к себе огромное внимание философов, педагогов, политических деятелей различных ориентаций. Все большее число людей понимает, что это не выдумка горстки русских «националистов», «шовинистов», «империалистов» и т.п., что она глубоко укоренена в русской национальной традиции, что многие ее положения, сформулированные нашими выдающимися соотечественниками на протяжении тысячелетия, не потеряли своего значения в наши дни, они могут служить основой для формирования новой национальной идеологии (13).

Свое же право на существование и тем более на официальное признание «русская идея» пробивает с большим трудом, преодолевает внешние и внутренние преграды, стереотипы мышления, в том числе и у патриотически мыслящей части общества. Боязнь обвинений в национализме заставляет даже некоторых патриотов избегать понятий не только русская, но и национальная идея. Что тогда говорить о тех, кто далек от патриотизма. Но примечательно уже то, что сегодня мало кто может обойти молчанием эту тему.

Весьма характерна в этой связи позиция политолога В. Никонова, изложенная им в статье с многообещающим названием «Национальная идея не чужда демократии». Вот основные положения этой статьи: «...Российская национальная идея должна быть денационализированной. Это должна быть идея нации-государства, а не нации-этноса. Эта должна быть идея Отечества с большой буквы, прокладывающего свой путь к обеспечению счастья и свободы всем россиянам». Что же касается русской идеи, то в ней «неизменно присутствовал известный антизападный заряд, способный только еще больше изолировать Россию от остального мира. Наконец, Российская Федерация – многонациональное государство и выдвижение на первый план идей избранности и превосходства одного, пусть и численно доминирующего этноса, грозит развалом страны (14).

Итак, В. Никонов по существу отрицает право на существование русской идеи, но признает таковое у «российской национальной идеи», которая, однако, должна

быть «денационализированной». Надо сконструировать российскую национальную денационализированную идею – таков вывод. Предлагаемая формула решения национальных проблем хорошо известна: «Есть нации – есть проблемы, нет нации – нет проблем». В особенности «нет проблем», если нет русского народа в его духовной самоопределенности. Конечно, стремление к единству следует одобрить. Однако никакое единение не может быть достигнуто за счет устранения сторон, образующих некоторое единство. Ведь понятие «единение» не тождественно понятию «уничтожению».

Теоретическая и нравственная несостоятельность подобного рода «аннигиляционных» теорий очевидна. Но почему эти теории существуют и в той или иной мере внедряются в жизнь, в том числе в сферу образования? Кому это выгодно? Может быть, тем, кто боится возрождения русского народа и преобразования России? Подобная позиция наших недругов из-за рубежа понятна. Но почему она присутствует в трудах соотечественников? Этому трудно найти объяснение.

Надо иметь поистине большое воображение, чтобы в русской идее, в фундаменте которой лежит принцип единения, свободы и любви людей друг к другу, включающей, по выражению П. Флоренского, в «единство человечности весь мир», увидеть форму установления превосходства русского народа над другими народами. Внимательное ознакомление с проблемой приводит скорее к другому выводу. Некоторых авторов-разработчиков русской идеи, в том числе весьма именитых и уважаемых классиков и современников, скорее всего можно было бы упрекнуть в известной доле национального нигилизма, в недооценке самостоятельного значения проблемы русского народа, проблемы России.

Отрицать право на существование русской идеи, по меньшей мере, странно. Русская идея имеет право на существование в той самой мере, в какой имеет право на существование русский народ, духовной основой самоопределения которого она является. Русская идея – это не искусственная конструкция, создаваемая навязываемыми народу «авторитетами», а живое творчество масс – в известном смысле всех россиян, русских людей, живших и живущих на Земле. По Ильину, возраст русской идеи – это возраст самой России (15). Поэтому выявление характерных черт русской идеи как фактора общественной жизни есть в известном смысле непрерывный процесс. Он предполагает учет всего исторического опыта России – прошлого и настоящего, дореволюционного и послереволюционного. Это важно для того, чтобы, сохранились преемственность, непрерывность и органичность развития ее содержания, соответствие прошлым и нынешним реалиям, возможность практического использования не только в настоящем, но и в будущем. Надо признать, что подобная задача не из простых. Может статься, что воплощенные в реальной жизни, даже самые характерные черты русской идеи в те или иные периоды исторического процесса могут быть ослаблены, замутнены, искажены чуть ли не до предела. Но несмотря на это, следует найти те ее «краеугольные камни», те «узловые точки роста», которые бы служили основанием целостного теоретического построения и практического действия по достижению необходимого (и должного) результата.

В качестве важнейшей составляющей русской идеи обычно выделяют принцип соборности, который означает собой свободное единение свободных личностей на основе их любви к Богу, друг к другу, к семье, народу, малой и большой Родине, ко всем аб-

солотным ценностям. Подчеркивается при этом, что соборность русской идеи неотделима от Православия, представляющего собой, по замечанию А. С. Хомякова, истинную религию свободы (в отличие от католицизма и протестантизма, где находят свое выражение в первом случае — единство без свободы и во втором — свобода без единства). Думается, что соборность может быть определена и в соответствующем светском эквиваленте: идеалы Православия могут разделять и люди, пока не пришедшие к Богу. Максимальное приближение русской идеи как идеала к реальной жизни открывает широкие перспективы для воплощения в эту жизнь принципов не только истинной свободы, но и правды, справедливости, социальной защищенности. Усвоение учащимися всей глубины содержания русской идеи, способствуя целенаправленному формированию их внутрличностного, духовного опыта, служит соответствующим регулятором их поведения, в большей или меньшей степени обеспечивая его приближение к идеалу.

Можно утверждать, что русская идея является вместе с тем российской идеей. Но в каком смысле и в какой мере? Очевидно, в том смысле и в той мере, в каком и какой идеалы, представления о мире, интересы русского народа совпадают с таковыми у других народов России. Подобное совпадение есть результат многовекового сотрудничества, общности исторической судьбы, взаимодействия, взаимопроникновения, взаимообогащения культур. Даже биологическая структура русского народа есть результат многообразных влияний, прежде всего, ближайшего этнического окружения (хотя вряд ли разумно доводить степень этого влияния до абсурда, отрицая факт существования славянского ядра). Хорошо известно, что носителями русской идеи были (и являются) представители не только русского народа (по факту своего рождения), но и других народов.

Вместе с тем русская идея не может покрывать собой полностью российскую идею или растворяться в ней. И это не недостаток русской идеи, а ее достоинство. При такой позиции, во-первых, лишаются всякого рода основания для обвинений в «русификации», установлении духовного господства русского народа над другими, во-вторых, и для русских открывается простор развиваться в лоне собственных обычаев и традиций. Вообще говоря, приобщение к культурным ценностям любого народа должно быть добровольным. И если считается неуместной насильственная русификация, то не вызывает сочувствия и насильственная, к примеру, «бурятиязация», «якутизация», «татаризация», «американизация» и т.п.

Совпадая в общих своих моментах, тенденциях и устремлениях, самосознание народов России неизбежно несет на себе отпечаток национального своеобразия, что в свою очередь инициирует диалог, взаимодействие народов и культур, служит фактором их дальнейшего взаимообогащения и развития. В этом смысле сохранение самобытности народов не имеет ничего общего с теми или иными проявлениями изоляционизма, с ущемлением прав других народов. В таком направлении развития русской и российской идеи объективно заинтересованы все народы России, в том числе и русский. Важно, однако, чтобы развитие национального самосознания народов как духовной основы их самоопределения вело не к отчуждению, а к укреплению их единства. Не плоского, нивелирующего единства, к которому нас призывают космополиты, а диалектического единства, единства во множестве, «всеединства». Национальная идея

в многонациональном государстве возможна лишь как единство многообразного или как многообразие единого. Именно в этом своем качестве она может и должна выступать фактором консолидации всех народов страны.

Русская идея есть вместе с тем и всечеловеческая идея. Эта позиция Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьева и некоторых других русских мыслителей хорошо известна. Однако возникает вопрос: в каком смысле и в какой мере русская идея есть всечеловеческая идея? Ответим на этот вопрос так: в том и в той, в каком и какой сохраняется возможность говорить о самой русской идее, в каком и какой она не поглощает собой всечеловеческой идеи, но и не растворяется в ней.

Вывод, к которому мы приходим, следующий: требование (вольно или невольно) от отдельного человека или народа, русского и любого другого, «национального самоотречения» (или одобрять, поощрять это самоотречение) в пользу «человечества» или «общечеловеческих ценностей», в чем бы оно ни выразалось (например, в создании и использовании на практике «общечеловеческих учебников» для русских людей, в которых якобы учитывается «российский менталитет», но нет обращения к классической русской литературе – к Пушкину, Толстому, Достоевскому) (17), равносильно требованию духовного самоуничтожения этого народа. А такое требование, особенно применительно к нынешним условиям, если говорить прямо, безнравственно.

Тем реформаторам – «общечеловекам», коих раздражают разговоры о самобытности России, о необходимости учитывать ее при любых преобразованиях и устроениях, напомним слова К. С. Аксакова, сказанные им 140 лет назад: «Общечеловеческое само по себе не существует; оно существует в личном разумении отдельного человека. Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть собою, надо иметь свое мнение, надо мыслить самому... Только самостоятельные умы служат великому делу человеческой мысли... Народ не менее отдельного человека имеет право быть самим собою и иметь свою деятельность. Деятельность народа, как деятельность человека, должна быть самостоятельна» (18), «отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение – значит лишить его участия в общем деле человечества» (19).

Нынешние «общечеловеки» --- во многом вчерашние «пролеткультовцы». Общим для тех и других является игнорирование того фундаментального факта, что каждый народ имеет свой смысл существования и право на свою самобытность, что в свою очередь является благом не только для него, но и для всего человечества. Интересно отметить, что подобный ход рассуждений полностью совпадает с современным православным обоснованием позиции в защиту сохранения национального разнообразия на Земле. «...С точки зрения христианина, – говорил Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, – любая попытка упразднить национальную самобытность народа (будь то под лозунгом «общечеловеческих ценностей» или как-либо иначе) является одной из форм богоборчества. Дело в том, что разделение единого некогда человечества на различные расы и племена произошло по прямому велению Божию... Более того, Православная церковь учит, что каждый народ, как соборная личность, имеет и своего особого Ангела-хранителя. Тайна национальности коренится в мистических глубинах народной жизни, являясь одной из важнейших перво-

основ человеческого бытия, залогом того духовного единения, без которого немислимо само существование народа, общества, государства»(20).

Было бы неразумно выступать против факта существования общечеловеческих ценностей (как, впрочем, и против общероссийских ценностей, с той лишь разницей, что Россия более органичная целостность, чем современное человечество). Раскрывая же смысл расхожего тезиса о «приоритете» общечеловеческих ценностей, необходимо исходить из того, что стремление к сохранению и органичному развитию национальной самобытности одной части человечества должно соотнобразываться с таковыми же устремлениями другой части (или других частей), а также всего человечества в целом. Сообразность же одного с другим предполагает не только сходство, но и отличие, что является необходимым условием существования и одного, и другого, а значит, их сообразности. Поэтому признание указанного выше «приоритета» вовсе не требует утверждения на Земле однообразной и скучной социальной пустыни, оно предполагает многоцветье и обыкновенную человеческую радость бытия.

Сохранение (и возрождение) самобытности России, россиян, русского народа, при всем благородстве исходных посылок, может быть единственной и конечной целью, безразличной ко всему остальному. Всякие попытки возвращения к прошлому и его консервации несерьезны и обречены на провал, они дискредитируют саму идею самобытности России. Удержание (воскрешение) всего положительного в прошлой и настоящей российской истории необходимо для того, чтобы развитие шло органично, на своей собственной основе (с учетом, разумеется, многообразных, в том числе внешних влияний, различных обстоятельств времени и места). Другими словами, самобытность России следует рассматривать как фактор ее устойчивого существования и развития.

Вместо того, чтобы продолжать и развивать наши святоотеческие традиции, русский народ сегодня активно понуждают к покаянию. Требование этого покаяния является, мягко говоря, неправомерным, если неэтичным. Народу никогда ни в чем не нужно каяться. Каяться могут отдельные личности, совершившие преступления. Прав Илья Глазунов, когда говорит: «Сегодня же призывать к смиреннию и подставлению щек для битья никак нельзя». Русскому народу не в чем каяться. Пусть каются те, кто довел его до состояние нищеты и униженности»(21). Русский этнос – общинный этнос. В этом плане он по своей духовности олицетворяет больше Восток, чем Запад. Этим определяется резкое отличие Восточного Православия от Западного христианства, сохранение догматов соборности, духовного нестяжания, осуждения культа Маммоны. Именно в этой общинности, православной соборности, наверное, лежит источник русской жертвенности, альтруизма, сострадания.

При этом сами категории общинности, коллективности, кооперативности сегодня становятся другими, неклассическими в том смысле, что они не противостоят императиву раскрытия личности, ее творчеству, а включают ее в свой состав. Общинность этого типа порождает российский хронотоп, находящий свое выражение в характере, культуре, языке, философии, общественном интеллекте.

Национальная идея как феномен православной педагогической культуры впервые в России была выдвинута и всесторонне обоснована К.Д. Ушинским. Но наш великий соотечественник не ограничился этим. В поисках средств, обеспечивающих реализацию русской идеи, он создал фундаментальный труд «Человек как предмет

воспитания. Опыт педагогической антропологии». Это не имеющее аналога в мировой педагогике произведение опиралось на методологию христианской антропологии.

Согласно этой антропологии, человек есть существо не только биологическое, но в первую очередь духовное, обладающее не только телом, но и бессмертной душой. Человек рассматривается как храм, вместилище ума, воли, богатейших чувств. Он несет на себе знак иного предназначения, ибо на него накладывается отпечаток абсолютной личности Творца. Человек в христианской антропологии обретает некую самоценность, независимую от космологических сюжетов. Он есть центр и высшая цель мироздания. Природа, космос, социальная действительность осмысливаются через определенную установку — помещение человека в центр мироздания. Личность при этом понимается как своеобразная святость, абсолют. Личность не есть тварное. Оно представляет собой божественное начало. То есть, речь идет о трактовке личности как безусловной ценности.

«Личность, — писал В.В. Зеньковский, — не есть замкнутое в себе бытие, она расцветает как личность, как некое неповторимое и несравненное своеобразие лишь во Христе; личность свободна не сама по себе и не сама для себя, но свободна вместе с другими, в таинственной связанности всех в живое целое» (22).

Переживание за других, любовь к другим и есть критерий духовности личности. Духовность выступает как принцип самостроительства человека, как выход к высшим ценностными инстанциями конструирования личности и ее менталитета. Как способ, как образ бытия в целом духовность открывает человеку доступ к любви, совести и чувству долга, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности, к молитве и религии; только она может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы» (23).

Обращаясь к православно-этическому осмыслению духовной жизни человека, С.Л. Франк писал: «... Самое важное и первое — это усилием воли и мысли столкнуть с себя обессиливающее наваждение релятивизма, вновь проникнуться сознанием, что есть, подлинно есть вечные, неизблемые законы и начала человеческой жизни, установленные самим Богом и вытекающие из самого существа человека, и попытаться вспомнить хотя бы основные и общие из этих начал. Нужно понять, что — хотим мы того или нет — жизнь наша управляется некими независимыми ни от каких человеческих представлений, не подчиненными никакой моде и никаким историческим влияниям, но Божественными началами, и что от нас зависит не создавать или изменять их, а только либо знать их и сознательно направлять по ним нашу жизнь, либо, не ведая, нарушать их и гибнуть от карающих последствий нашего поведения или нечестия» (21).

---

1. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. — М.: Школа-Пресс, 1995. — С. 332.

2. См. там же.— С. 336-340.

3. См.: Ковалевский П. И. Педагогические размышления / Национальное воспитание // Опыты православной педагогики. – М. Литературная учеба, 1993. – С. 182.

4. Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. М.: Художественная литература, 1967. – Т. 6. – С. 438.

5. Ильин И. А. Русский учитель // Опыты православной педагогики. – М.: Литературная учеба, 1993. – С. 197.

6. Цит. по: Патриотизм – чувство ясное // Российская газета, 1995, 3 апреля.

7. На это обращают внимание самые разные авторы, каждый по-своему расставляя акценты. См., например: Троицкий В. Ю. Пути русской школы. – М.: Свет отечества, 1994. – С. 5–9; Семенов В. Д. Гражданственность как ядро педагогической профессии // Магистр, 1996. – № 3. – С. 3–9; Никандров Н. Д. Нравственные уроки Православия // Педагогика. – 1997. – № 3. – С. 3–9. См. также материалы обсуждения учебника А. Кредера «Новейшая история. XX век»: Урок истории // Российская газета, 1997, 12 ноября.

8. Ковалевский П.И. Указ. соч. - С. 179.

9. См.: Ключевский В. О. Статьи по русской культуре. Два воспитания // Соч. в 9 т. Т. IX. – М.: Мысль, 1990. – Т. IX – С. 6

10. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М. Свято-Владимирское Братство, 1993. – С. 11.

11. См., например: Саратовский В. Н. Диалог культур и «русская идея» // Возрождение культуры России: диалог культур и национальные отношения – СПб.: Знание, 1996. – С. 21. Подробнее об этом см.: Он же. Русская идея: продолжим ли пройденный путь? – СПб.: Петрополис, 1994.

12. См.: Давыдов В., Никандров Н., Слободчиков В. и др. Президент вызывает к доске // Российская газета, 1997, 28 августа.

13. Подробнее об этом см. Кобылянский В. А. Русская идея и российский патриотизм // Патриотизм: общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. – М., 1996; Он же. Русская идея и возрождение России. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997.

14. Никонов В. Национальная идея не чужда демократии // Российская газета, 1994, 27 сентября. См. также: Он же. Не Уваров и не Кампанелла. Тогда кто же? // Российская газета, 1997, 19 июня.

15. Ильин И. А. О русской идее // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. В 2-х т. – М.: МП «Рарог», 1992. – С. 331.

16. См., например, материалы обсуждения «общечеловеческого учебника» «Мой мир и я», изданного Международным фондом образования // Литературная газета, 1994, 7 декабря.

17. Аксаков К. С. Еще несколько слов о русском воззрении // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – С. 111, 114.

18. Митрополит Иоанн. Нераскаянное преступление // Советская Россия, 1995, 14 марта.

19. Глазунов И. Пока горит свеча... // Работница, 1994. – № 3. – С.22–24.

20. Зеньковский В.В. Автономия или теонимия. - М., 1992.

21. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Человек, 1994. – № 5. – С.25.

22. Франк С.Л. Религиозные основы общественности. – М., 1992. – С.29.